

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МУЗЕИ

г. АДДИС-АБЕБЫ

Эфиопия как объект этнографического изучения стала известна в Европе с середины прошлого столетия¹. Немало натуралистов, военных, инженеров из разных стран Европы побывало в те годы в этой высокогорной стране. Были среди них и русские². Все они наряду с выполнением военных, дипломатических и иных обязанностей, интересовались и культурой населяющих Эфиопию народов, вели дневники, собирали предметы быта и искусства. Материалы этих экспедиций хранятся в музеях Германии, Англии, Франции, Италии. Есть эфиопские коллекции и в нашей стране. Много предметов в Ленинградском музее этнографии и антропологии, имеются они и в Москве — в Музее антропологии при Московском университете.

В самой же Эфиопии научный интерес к народной культуре появился довольно поздно, только в 50-е годы нашего века, т. е. значительно позднее, чем к археологии, древней и средневековой истории, к литературе. Можно, видимо, согласиться с С. Б. Чернецовым, что причины этого коренятся, с одной стороны, в любви к прошлому страны, высоким уровнем культуры в древности и средневековье, оставившим зримые материальные свидетельства (архитектурные памятники Аксума, средневековые церкви, замки и монастыри; церковные рукописи и т. п.); с другой — в ориентации молодой интеллигенции прежде всего на практические шаги к построению нового справедливого общества (что они в те годы связывали прежде всего с марксизмом)³.

С первыми шагами молодой местной этнографической науки читатель может познакомиться по уже цитировавшейся статье С. Б. Чернецова. Издававшийся в те годы «Бюллетень этнологического общества», объединявшего выпускников, студентов и сотрудников университета и других научных учреждений, просуществовал сравнительно недолго (1953—1961 гг.).

Ныне этнология переживает некоторый подъем. В университете создан цикл для изучения антропологии; активно работают этнографическое и археологическое отделения в Национальном музее; Этнографический музей при Институте эфиопских исследований; немалую работу проводил Институт национальностей при ЦК Рабочей партии Эфиопии.

Антропологов (этнологов) готовят в Департаменте социологии и социального управления Колледжа социальных наук. В программу обучения входят прослушивание лекционных курсов, семинары, занятия в Этнографическом музее, просмотр этнографических фильмов, выезды в краткосрочные экспедиции. Читаются курсы лекций по физической антропологии, эволюции этнологической мысли, истории первобытного общества, социальной организации, о культурных изменениях, методике полевых исследований. Среди преподавателей наряду с местными исследователями — широко известные эфиописты: англичане Р. Панхерст и А. Панхерст; немец Иво Штекер; японец Энсеи Куримого. В лекционных курсах значительное место занимает этнография Эфиопии. Что касается научной работы преподавателей университета и сотрудников музеев, то она полностью сосредоточена на изучении культуры и быта народов Эфиопии и основывается прежде всего (а иногда исключительно) на конкретных полевых исследованиях.

Сейчас совместными усилиями этнологов университета и Национального музея возобновлено издание журнала. Первый номер «Бюллетеня социологии и этнологии» («Sociology Ethnology Bulletin») вышел в марте 1991 г. к началу XI Международной конференции по эфиопским исследованиям.

В результате уже подготовлено значительное число местных антропологов,

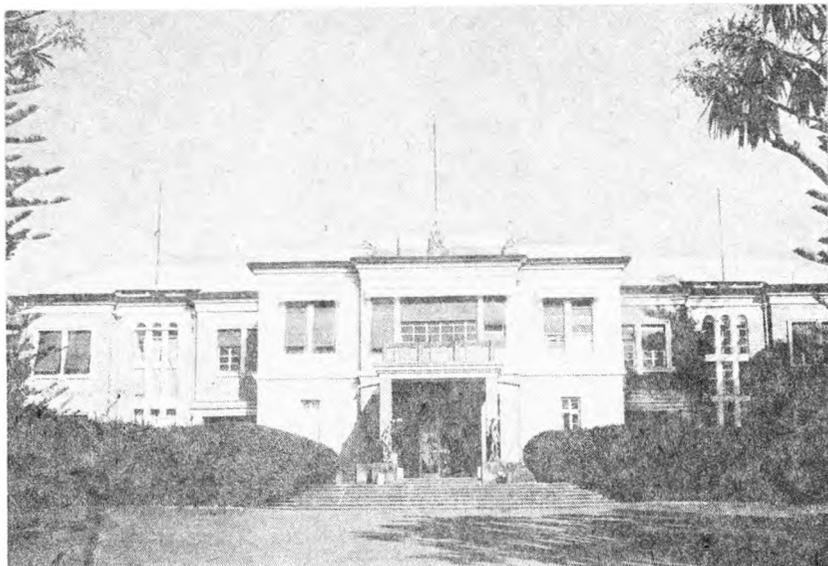

Рис. 1. «Рас Маконен холл» — корпус Аддис-Абебского университета, где расположен этнографический музей

что подтвердила и XI Международная конференция по эфиопским исследованиям, в работе которой они приняли активное участие.

Этнографический музей университета является частью Института эфиопских исследований. Он был создан в 1963 г. как своеобразный координационный центр⁴. Сразу же он начал выпускать дважды в год собственный журнал — «Журнал эфиопских исследований». В его выпусках некоторое место занимали и статьи по этнографии (основная же масса — по истории и истории религии). Одна из целей создания института определялась так: «содействие в сохранении культурного наследия через собирание, каталогизацию и экспонирование в музее эфиопских артефактов и предметов, представляющих историческую ценность»⁵. Для воплощения в жизнь этой идеи и создания музея много сделал польский африканист С. Хойнаски, проработавший несколько лет в Аддис-Абебе и выпустивший несколько книг об Эфиопии⁶. Ныне директором является д-р Гирма Кидане, известный антрополог. Под его редакцией и при его непосредственном участии были подготовлены издания «Культурное наследие» и «Учебник для посетителя», основанные на описаниях коллекций музея⁷.

В музее сейчас десять отделов. Это отдел народов Эфиопии, отдел религии, отдел музыкальной культуры, отдел фотографий, отдел нумизматики, отдел реставрации, фотолаборатория, картинная галерея, зал предметов материального производства.

Чтобы попасть в Этнографический музей, прежде всего надо войти в ворота университетского городка, украшенные фигурами львов — символами древней славы Эфиопии. Перед нами раскинется яркий сад со множеством цветов — роз, ирисов, клематисов, с жакарандами, пальмами, бананами, пиниями, араукариями... Прямо против центральных ворот — двухэтажное здание, в котором когда-то размещался весь университет (а до этого — университетский колледж). Сейчас он называется Рас Маконен Холл; в нем разместились ректорат университета, офис президента университета, Институт эфиопских исследований с большой библиотекой, архивом, отделом рукописей и музеем (Рис. 1).

Впрочем, музей начинается еще до входа в здание — направо на зеленой лужайке среди тропических деревьев стоят три каменные стелы. Это плоские, высотой до 2 м, темные камни, на которых лишь проработаны черты лица. Всего

Рис. 2. Сосуд для *тэлла*, керамика, живопись. Этнографический музей

на территории Эфиопии пока зафиксировано несколько десятков стел. Самые знаменитые — стелы Аксума (на севере страны), однако немало их в других районах Эфиопии. Эти — из провинции Шоа. Сейчас уже доказано, что большинство стел связано с погребальным культом. Одна из них — светлого камня встречается нас внутри здания, у лестницы на второй этаж, где и находится Этнографический музей.

Экспозиционных залов всего два, но экспозиция составлена так умело, что посетитель получает очень яркое впечатление о стране, о культуре и быте народов, ее населяющих. Первый зал дает общее представление об Эфиопии, здесь рассказывается о ее истории, дается этнолингвистический обзор. Экспонаты распределены по типам хозяйства, традиционным для народов Эфиопии: отдельные разделы посвящены охоте и рыболовству; земледелию; ткачеству и прядению; обработке кожи, рога и слоновой кости; плетению; гончарству; металлургии; одежде, украшениям и прическам; музыкальным инструментам и т. д.

Витрины оформлены лаконично, строго, однако они очень репрезентативны. Так, например, в разделе «Земледелие» мы увидим все сельскохозяйственные орудия (серпы, ножи, «плуги» — *мареша*, мотыги, двойные колья-вилы для тяжелых и легких почв; решета для провеивания зерна; зернотерки и ступы; все виды зерновых, а их в Эфиопии около 20); гончарные изделия для выпечки традиционных видов хлеба (*дабо* и *ынджеры*) — глиняные сковороды с тяжелыми крышками; горшки разных форм и размеров в зависимости от назначения (Рис. 2). Вместо привычных для этнографа-африканиста трех камней в очаге здесь делают из прочной глины три «ноги» или цельный «треножник» — разного размера в зависимости от величины сковороды, горшка или котла.

Рис. 3. Воин в традиционном убранстве (пров. Шоа). Этнографический музей

Эфиопия по праву считается родиной кофе и естественно, что этой культуре посвящена отдельная большая витрина. Здесь мы увидим и кусты кофе, и процесс приготовления напитка, который требует особой подготовки и посуды: *кабо* — поднос для обжаривания зерен на специальном глиняном или металлическом треножнике; ступку с пестом для размалывания зерен — соответственно *буна мукече* и *зеназена*; кувшин для кипячения воды; кувшинчик черной глины с маленьким носиком и маленькой круглой ручкой для заваривания кофе — *джебека*, а также обязательную *гиргира* — жаровню для благовоний — ладана (*итан*) и сандала (*сен дел*).

Отдельный стенд отдан культуре «ложного банана» (*энсете*). Здесь мы увидим и его образцы, и описание технологии использования, и инструменты для обработки волокон (специальные ножи и колотушки для их размягчения), и изделия из них. Французский этнограф А. Гаскон показал, что культивирование его очень надежно, дает возможность обеспечить продовольствием множество народа и что районы, где его возделывают, не знают голода даже в периоды засухи.

Витрины, посвященные отдельным ремеслам (гончарству, плетению, обработке кожи и рога, металлургии), дают представление обо всей технологической цепочке: от добычи сырья до готовых изделий, многочисленных и разнообразных. Например, в разделе «Ткачество» мы увидим хлопок, весы для взвешивания хлопка, чесала, инструменты для прядения, нити, красители, два вида ткацких

Рис. 4. Папирусная лодка с оз. Зевай — этнографический музей

станков и т. д. и, конечно, готовую одежду: полный костюм крестьянина, женщины-горожанки, знатного человека, воина. Белоснежные тонкотканые одежды эфиопской женщины, с отделкой тонкой вышивкой по краю ткани и декоративными крестами по центру, с широкой накидкой — *нателой* достаточно хорошо известны этнографам. А вот полный костюм эфиопского воина можно увидеть не часто. Оружие его составляли копье и щит. Для копий часто употреблялись специфически эфиопские наконечники: двойные или даже тройные. Щиты изготавливались из прочной кожи буйвола, отделялись бархатом и металлической аппликацией, а с внутренней стороны на щите была подкладка из мягкой красной кожи, у знатных людей украшенная марокканским растительным орнаментом. Отличительные элементы одежды воинов высшего ранга — шапка с мехом (чаще всего льва или гепарда) и накидка из шкуры того же животного — *лемд*. На очень популярных рисунках на коже и ткани, посвященных происхождению Соломоновой династии (имеющей корни в средневековье), такие накидки можно видеть на плечах царицы Савской и Соломона. Затем накидки стали привилегией воинов, даже незнатных, отличившихся в битвах. К XIX в. такую накидку, повторяющую по форме шкуру с пятью «лопастями», имитирующими лапы и хвост, стали изготавливать из ткани, часто бархата или парчи, украшать бусинами, металлическими колокольчиками, пуговицами, пряжками. Сейчас это — деталь облачения священников. Они носят *лемд* из цветных или белых тканей в зависимости от места в церковной иерархии — из хлопка, парчи, шелка. Основная масса воинов эфиопской армии состояла из пехотинцев. Однако существовала и конница. Убранство коня, предметы ухода за ним — немаловажная часть бытовой культуры и как таковая она нашла отражение в экспозиции музея — вплоть до сделанной из плодов акации с острыми шипами своеобразной «зубной щетки». Попоны же, украшенные красными хлопчатобумажными помпонами, существуют и сегодня — их можно видеть в пригородах столицы и на больших праздниках на конных играх *дидз*.

Редкость во многих этнографических музеях — раздел, посвященный личной гигиене. Здесь помимо традиционных разнообразных резных гребней и фигурных шпилек для волос (костяных и деревянных) мы увидим также и флаконы, и флакончики для притираний (с размельченными в порошок ароматическими листьями, зернами, мелом), и очень важный в быту всех африканцев предмет — палочки для чистки зубов. Они содержат дезинфицирующие и ароматические вещества, их жуют с детства. Кончики их размельчаются зубами в кисточ-

ки, которыми чистят зубы и массируют десны минимум 2—3 раза в день. Жители Эфиопии, как и всей Африки, практически не знают карисса и поражают европейцев ослепительно белыми крепкими зубами. В этой же витрине мы увидим и «мыльный корень», употребляемый для стирки — даже в самом глухом уголке страны благодаря ему в праздники жители носят белоснежные одежды.

Центр зала занимает лодка из толстого тростника. Все мы знаем, что знаменитая «Ра» Тура Хейердала строилась мастерами с оз. Чад. Однако меньше известно, что точно такие же лодки использовались на озерах Эфиопии, особенно Тана и Зивай, Хайк (рис. 4). Такими лодками, пришедшими из древности, пользуются и поныне. Связка тростника, плоская и длинная (или толстого папируса), составляет основу длиной 5—7 м. К ее краям крепятся две связки покороче, образующие борта. Стебли набухают в воде и закрывают щели. Управляют такой лодкой двухлопастным коротким веслом (на оз. Зивай) или длинным шестом (на оз. Тана). Такие лодки, довольно хрупкие с виду, могут поднять значительный груз (например, корову). Они служат от 2 недель до месяца и после просушки на солнце могут быть использованы снова.

Экспозиция второго зала построена по регионам. В каждом разделе представлены основные народы провинций и наиболее характерные предметы материальной культуры. В витрине Харэра — серебряные украшения, резные деревянные сандалии, узорные подставки для книг, рукописный Коран на пергаменте, яркие высокие конические крышки на флаконы... У вале — яркие полосатые одежды, плащи из шкур диких животных мехом внутрь; у сидамо — характерная одежда, состоящая из полосатых штанов и белых рубах, интересные деревянные орудия (в том числе колотушки для сбивания масла с рифленой головкой). В витринах арси и гудера — плетеные шляпы; у амбо — разнообразные изделия из глины и рога. В отделе, посвященном Иллубабору, внимание привлекут резные из цельного куска (ствола) дерева кресла и стулья; удивительной красоты белое платье с черной вышивкой, видимо, символизирующей мировое дерево; на широкой (1,5—2,5 м) традиционной кровати (переплетение кожаных ремней на деревянной основе) — тщательно выделанная накидка из кожи с геометрическим орнаментом и стилизованными антропоморфными изображениями. В центре зала — хижина афар (провинция Уолло) в натуральную величину. Она построена так, что видны и технология строительства, и последовательность операций, и внутреннее убранство. Показано, как и какие устанавливаются жерди в качестве основы, как (каким способом и какими волокнами) эта основа переплетается, как создается прочный каркас и формируется крыша и т. д. Левый угол зала занимают погребальные столбы — стилизованные изображения человека, которые консо (провинция Гаммо-Гофу) устанавливают на могилах наиболее уважаемых воинов и охотников.

Украшением музея, несомненно, служат предметы, принадлежавшие когда-то верховному правителю Каффа. Это раннегосударственное объединение на юге страны, в культуре которого многие исследователи видят явное наследие Древнего Египта, было в конце прошлого века завоевано знаменитым «собирателем» земель Менеликом II. После пленения верховного правителя главные реликвии и знаки «королевского» достоинства, которые обладали в глазах каффичо сакральной силой, были захвачены воинами Менелика. В этом музее выставлены две из них. Это «королевский стул» — резной тяжелый трехногий табурет темного дерева. Второй предмет и священная реликвия — корона, состоящая из золотых и серебряных пластин. Она имеет форму капора или колпака, из красно-зеленой ткани, с тремя металлическими удлиненными выступами — рогами (некоторые наблюдатели считали, что это символы фаллоса, которые обеспечивали плодородие страны, изобилие дичи, благополучие народа). Корона отделана перьями страусов. По представлениям каффичо, она воплощала сакральное могущество верховного правителя. Не проста история появления этих предметов в музее университета Аддис-Абебы.

В 1887 г. корона была захвачена при пленении последнего «царя»⁸ Каффы,

павшей под ударами амхарской армии Менелика II. Драматическая картина отречения красочно описана очевидцами-европейцами. Королевские реликвии — символы власти и независимости остались в императорском дворце Гиби. Однако отважные воины-каффичо сумели выкрасть корону, зеленую шитую золотом мантию и золотой священный меч с целью увезти их в свою страну, дабы возродить ее былую независимость и славу. Осуществить этот замысел не удалось — один из ближайших сподвижников Менелика II рас Вольде Георгис с отрядом воинов догнал смельчаков и вернул реликвии. Известно, что император Эфиопии, опасаясь повторной попытки, предлагал их швейцарцу Альфреду Ильгу с условием вывезти их из страны в Европу и сохранить в одном из банков. Дальнейшая судьба мантии и меча не ясна.

Экспозиция музея достаточно часто меняется. Для этого есть возможности, так как фонды музея достаточно велики. Значительные коллекции в фондах составлены из музыкальных инструментов, крестов (серебряных, медных, деревянных), ритуальных предметов, старинных рукописей. Хранятся в музее и образцы уникального искусства, очень популярного и в сегодняшней Эфиопии, — живописи по выделанной коже.

К открытию XI Международной конференции по эфиопским исследованиям (1—6 апреля 1991 г.) работники музея подготовили специальную выставку, где можно было видеть старинные манускрипты, деревянные, золотые, серебряные процессиональные кресты священников монофиситской эфиопской церкви. Отдельный раздел был посвящен возникшей около XV в. живописи на коже, как профессиональной, так и народной. С XVIII в., с так называемого второго Гондарского периода в иконографии этого типа появляется тенденция к натурализму, которая в XIX в. привела к появлению исторической и народной (бытовой) живописи сначала на ткани из хлопка, затем на коже (чаще всего козьей), бумаге, дереве, стекле, яйцах страуса, керамике. Сложилась определенная рассказы в картинках, популярные в таком виде живописи, оригинальный стиль. Существовали определенные каноны изображения. Такая живопись плоскостна, но выразительна. Так, обязательным было изображение анфас положительных героев, в профиль рисовали только отрицательных персонажей. В профиль, например, изображался Ахмед Грань, харарский имам XVI в., завоевавший в те годы большую часть Эфиопии, тогда как христианский император и его воины — анфас. Очень широко распространены своеобразные «рассказы в картинках» (напоминающие наши русские лубки) о возникновении Соломоновой династии, правившей до 1974 г.; о путешествии королевы Сабы к царю Соломону и рождении их сына, легендарного основателя правящей династии Менелика. Типичны также последовательные рассказы (в восьми — десяти картинках) о жатве, праздниках, базарах и т. п.

Особенно интересен был раздел, посвященный двухтысячелетней традиции письменной литературы. На выставке были представлены рукописи на пергаменте (с VI в.), как христианские, так и иудаистские, мусульманские (главным образом из Харара). Христианские тексты были украшены миниатюрами, мусульманские — тонким растительным орнаментом. Рядом с ними — «магические» надписи (извлечения из священных книг или молитвы) на узких полосках кожи длиной в 5—20 см. И христиане, и мусульмане носили их как амулеты. Для них искусные мастера-ювелиры делали особые цилиндрики или коробочки, которые верующие носили на серебряных цепочках на шее. Посетители выставки могли не только полюбоваться ими, но и узнать, как выделялась кожа, изготавливались чернила, делались перья для письма и кисточки для рисунков из тонких палочек и птичьих перьев, как растиралась краска (растительные и минеральные), подбиралось дерево для переплетов и подставок для книг, какими инструментами пользовались мастера-резчики и т. д.

При входе во двор-сад второго хранилища этнографических коллекций Национального музея мы (члены советско-эфиопской этносоциологической экспедиции) прежде всего увидели тукуль, нередко представляемый типичным жилищем

Рис. 5. Здание Национального музея Эфиопии (фото автора)

эфиопов. В этой круглой высокой (до 4 м) хижине, точно повторяющей жилище волайта (одного из народов юга страны), с буквально до тонкости выдержанным интерьером вас угостят традиционными напитками Эфиопии — *буна* (очень крепким кофе из только что поджаренных зерен), *телля* (легким ячменным пивом) или *тедж* (чуть забродившим медовым напитком). Прямо за ним — двухэтажное здание, давно и хорошо знакомое жителям Аддис-Абебы. Здесь была резиденция итальянского наместника Эфиопии Грациани. Затем до 1957 г. в этом доме жила семья принца Маконнена, позже располагалось министерство иностранных дел, а с 1966 г. здание было передано Национальному музею. Его директором стал господин Маммо Тессема. Теперь здесь расположены три из четырех отделов Национального музея: палеонтологии, предьистории и исторической археологии, этнографии. Для четвертого отдела — искусства недавно построен отдельный выставочный павильон. Нас встретила в музее русская речь — здесь работают археологи — выпускники Воронежского и Одесского университетов. Этнографический же отдел формировался с помощью ученых из Лейпцига⁹.

Небольшие залы первого этажа позволяют проследить многовековую историю Эфиопии. Многие памятники архитектуры, археологические находки, хорошо известные по публикациям в «*Annales d'Ethiopia*», издающемся музеем, во «Всеобщей истории Африки» под эгидой ЮНЕСКО, многих монографиях по истории и культуре Эфиопии, здесь можно увидеть в подлиннике. Самый впечатляющий экспонат — это, конечно, «Люси», или, как ее называют эфиопы, «Биркинеч», — найденные в 1974 г. в долине Хадара костные останки австралопитека, возраст которых определяется в 3500 тыс. лет. Это самые древние находки в мире. Здесь, на земле Эфиопии, обнаружены и представлены в музее и костные останки, представляющие последние этапы развития человечества — «Хомо хабилис» (1,5 млн.), «Хомо эректус» (1,7 млн.), «Хомо сапиенс» (250 000 лет) из долины Омо.

Отдел истории спланирован так, что даст посетителю представление обо всех периодах развития древней Эфиопии. В каждом подразделе — а их четыре: древнейший; преаксумский (III в. до н. э. — I в. н. э.); аксумская эра с подразделениями на Аксум-1 (I—V вв. н. э.) и Аксум-2 (VI—VIII вв. н. э.) — дается небольшой исторический очерк, представлены основные находки, названы районы раскопок.

В двух первых разделах мы видим широко известные археологические находки из Ехе, Хаулти-Мелазо, Адди-Галам, фрагменты старосабейской письменности, стелы с солярными символами (дискон и крестом), много керамики (главным образом посуда, но есть и изображения животных).

Из раскопок Аксума, Матары, Адулиса периода аксумской эры представлены монеты с греческими надписями, где упоминаются южноаравийские божества — династический бог Махрем, боги земли Бехер и Медар, богиня неба Астар. Несомненно, привлечет внимание посетителей макет дворцовых кварталов, раскопанных в Адулисе в 1966—1968 гг. Это был многоэтажный комплекс со множеством залов, переходов, внутренних дворигов и т. п. В Матаре (что не часто бывает в археологии Африки) раскопаны не только крупные виллы, три христианские церкви, но и жилой квартал. Чрезвычайно интересны малонизвестные даже африканистам материалы раскопок Матары III—VIII вв. н. э. Среди прочих предметов выделяются игральные кости, светильник в форме птицы, печатикольца.

Очень богат раздел с мегалитическими памятниками. Помимо широко известных аксумских, они исследовались также в Хараре (где среди сотен мегалитов археологи выделяют три этапа с датировкой соответственно II—I тысячелетия до н. э.; начало I тысячелетия н. э. и VIII—XI вв.); в Шоа и Сидамо (несколько тысяч, датируемых приблизительно XI в.), массовые находки в Тийя (около XI в.), сделанные французским ученым Анфреем. Теперь в результате не только наружных исследований стел, но и проведенных во многих районах Эфиопии раскопок нет сомнений, что эти памятники тесно связаны с погребальным культом, так как находятся либо над могилками, либо в непосредственной близости к ним. Фотографии и копии стелных росписей церквей, замков и монастырей в Лалибеле и Гондаре вместе со средневековыми манускриптами из монастыря Абба Гарима в Мадара рассказывают об истории Эфиопии в XI—XVI вв.

Этнографический раздел в этом музее не так велик, экспозиция достаточно фрагментарна. В отличие от музея Института эфиопских исследований в университете создатели ее не ставили своей задачей представить полное этнографическое описание народов страны. Скорее целью их было выбрать наиболее яркие и типичные экспонаты.

На площадке второго этажа, где расположен этнографический отдел, нас встречают два больших *мэсоба* — это традиционный круглый яркий плетеный стол с крышечкой, рассчитанный на одного-двух человек. Над этими экспонатами — витрина с оружием, принадлежавшим императору Теводросу (конец XIX в.). Здесь традиционный круглый щит, два меча, два ножа с орнаментированной рукояткой, свособразный кинжал с двумя лезвиями. Пожалуй, это самые первые экспонаты: ведь Теводрос был обезоружен в битве при Магдале в конце прошлого века.

Первый зал отдан современным бытовым предметам простого люда. Главное место в нем занимают музыкальные инструменты. Здесь мы видим амхарские по происхождению, но распространенные у всех народов Эфиопии *карар*, *месенко*, *бэгэна*, *динке* — длинные трубы из бамбука. Это очень популярные инструменты. Оркестры, составленные из них, и маленькие самодельные, и большие профессиональные (такие, как в составе Патриотического театра или при муниципалитете), пользуются неизменной любовью публики.

Самый распространенный инструмент — однострунный *месенко*, со смычком в виде лука. Это неизменная принадлежность народного певца — *азмари*. Еще и сейчас на улицах Аддис-Абебы можно встретить бродячего старика-азмари или молодых исполнителей — мальчика или юношу (от 8 до 20 лет) с подругой-певицей. Он на одной струне исполняет нехитрую трогательную мелодию, аккомпанируя песне-импровизации певицы, развлекающей гостей на свадьбе или ином торжественном событии. А барабан и *систры* являются обязательным атрибутом музыкального сопровождения ритуального церковного пения при отпевании, поминании и т. п.

Второй зал возвращает нас в прошлый век. Центральные застекленные витрины напоминают нам залы Оруженной палаты. Здесь длинные одежды знатных дам с рукавами ниже колен, придворных; церемониальные одежды и символы власти правителей Эфиопии и тех областей, которые вошли в страну в конце XIX в. в результате объединительной политики Менелика II.

Очень разнообразные плащи с маленьким воротником-стойкой без рукавов (*ланка кава*) носили и военные чины — *деджазмач*, *расы*, *фатауари*, *лигата*, *баламбарос*. Совершенно одинаковые по покрою, они различались цветом, характером ткани (от тонкого сукна до рытого бархата), узорами вдоль пол и воротника, шитыми цветными нитками или серебром и золотом. Серебряные и золотые нити можно было использовать только для одежды высших чинов и только с разрешения императора; строго регламентировались и узоры, и ширина орнамента. И сейчас еще на улицах Аддис-Абебы в прохладные утра промелькнет плащ такого покроя, но скромного серого или черного цвета — их иногда еще носят священники или «книжники» — немолодые интеллигенты.

Очень своеобразная деталь одежды знатного лица — *лемд*. Здесь представлены такие накидки из шелка, бархата, парчи, яркие, шитые цветным шелком (растительный орнамент) и покрытые серебряными украшениями. В XIX в. это стало частью формы высшего военачальника. Такая *лемд* красного бархата, с шитьем и украшениями из серебряных пуговиц, колокольчиков, пряжек есть и в Москве. Ее вместе с другими дарами Менелика II привез русскому императору офицер Машков. Впоследствии она была передана в Музей антропологии при Московском государственном университете. В наши дни *лемд* — часть облачения членов клира разных рангов. Она различается по цвету в зависимости от ступени на церковной иерархической лестнице — от скромной белой полотняной до яркой темно-фиолетовой, красной.

Знать Эфиопии и сам император ездили на мулах и можно полюбоваться на искусную отделку (резьбу по дереву и золотое шитье, сплошь покрывающее ткань) седла и покрывала для мула императора Иоханнеса. Хорошо известные по публикациям в книгах по истории и культуре Эфиопии короны негусов занимают отдельную витрину. По утверждениям работников музея, трехъярусная круглая корона Менелика II из золота и серебра, украшенная множеством драгоценных камней, символизирует единство церкви и государства, повторяя архитектуру традиционных круглых церквей эфиопского монофиситского христианства.

Как символы могущества центральной власти, ее превосходства над всеми районами, княжествами и «царствами» страны, присоединенными огнем и мечом Менелика II к его родной провинции Шоа, в этом же зале помещены для обозрения наряды знати «царства» Каффа, большой церемониальный зонт — символ власти «королевы» Ментуаб из Гондэра и т. п. Завершает экспозицию сделанный в начале нашего века в Индии роскошный широкий трон темного дерева с инкрустацией из слоновой кости, предназначенный для последнего императора Хайле Селассие и его жены.

Конечно, экспозициями в этих двух зданиях не исчерпываются музейные материалы в Аддис-Абебе. Немало их хранится в фондах, и экспозиция довольно часто обновляется. Ведется работа по каталогизации, периодически публикуются отдельные экспонаты. Работники музеев продолжают сбор новых материалов. Их силы невелики, но большую помощь им оказывают студенты университета. Они создали и видеотеку этнографических фильмов (пока еще небольшую). В планах сотрудников музея — привлечение школьников, организация для них экскурсий, проведение пропагандистской работы и т. д.

Примечания

¹ Чернецов С. Б. Этнографическая наука в Эфиопии // Этнографическая наука в странах Африки. М., 1988. С. 138—149.

² Райт М. В. Русские экспедиции в Эфиопии в середине XIX — начале XX в. и их этнографические материалы // Африканский этнографический сборник. 1 // Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. М., 1956. Т. XXXIV.

³ Чернецов С. Б. Указ. раб. С. 144—146.

⁴ Three Decades of Addis-Ababa University Education (1950—1980). Addis-Ababa, 1980. P. 29.

⁵ Там же.

⁶ Chojacki S. Cultural Heritage, Museums and Tourism. Addis-Ababa, 1972, etc.

⁷ Girma Kidana, Wilding R. The Ethiopian Cultural Heritage. L'heritage culturel ethiopien. Addis-Ababa, 1976; Visitor's manuel. Addis-Ababa, 1984

⁸ Тенчито — в такой форме записал его имя Булатович; по сведениям немецкого путешественника Ф. Бибера — Гаки Шерочо.

⁹ Esher R., Treide D. Addis Ababa plant ein neues Volkerkunde Museum // Ethnographische-Archaeologische Zeitschrift. В., 1985. Jg 26. S. 175—188.

Ethnographic Museums in Addis-Ababa

The author gives a brief account of ethnology and ethnographic education in Ethiopia. Being part of the Institute of Ethiopian Studies, the University Museum of Ethnography appears to be at the centre of ethnological studies. The author considers both the publishing and collecting activity of the Museum and describes the two rooms in which they take place. The brief survey of the main exhibitions is given: the first part of it is devoted to the economy of the country, its army, its transport and personal hygiene. The second part of the display presents the regional description of the country. The most interesting temporary exhibitions are described, with attention paid mainly to one devoted to Ethiopian culture. The traditional Ethiopian dwelling is presented in the gardens of the National Museum. The special pavillion was built for the display of folk arts. Through some of the exhibition rooms the visitor obtains an impression of the country's history.

E. S. Lvova